

Миф и сказка как высказывание

Научный руководитель – Сегал Александр Петрович

Барканова Елена Анатольевна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Философский факультет, Кафедра философии языка и коммуникации, Москва, Россия

E-mail: e.bark96@mail.ru

Многих исследователей мифа и сказки волновал вопрос универсалий - вопрос о том, почему похожие мотивы, образы, сюжетные приемы встречаются в мифологии и фольклоре по всему миру. Одним из таких исследователей был К. Леви-Строс, который предложил свои ответы на этот вопрос. В своем знаменитом труде - «Структурной антропологии» - Леви-Строс подчеркивал параллель между мифом и языком: «Древние философы подходили к языку так, как мы подходим сегодня к мифологии. Они подметили, что в каждом языке определенные сочетания звуков соответствуют определенным значениям, и безуспешно пытались понять, какая внутренняя необходимость объединяет эти значения и эти звуки. Усилия были напрасны, потому что одни и те же звуки в разных языках связаны с разными значениями. Противоречие разрешилось только тогда, когда было замечено, что значащая функция в языке связана не с самими звуками, а со способом их сочетания между собой» [1]. Леви-Строс считает, что некоторые философы так же заблуждаются в отношении мифа. Но без ошибок нет и великих открытий. В своих исследованиях Леви-Строс опирался на достижения структурной лингвистики, в частности, на идеи Фердинанда де Соссюра (основоположника семиологии и современной лингвистики). Соссюр провел различие между речью и языком. Он выделил в языке уровень структурный и статистический и показал, что главное отличие речи от языка в том, что она необратима. Миф же, согласно Леви-Стросу, сочетает в себе эти два уровня, он описывает события, которые давно произошли, однако значение мифа состоит в том, что процессы и явления в мифе существуют вне времени.

Стоит отметить, что структура мифа является универсальной потому, что в отличие, например, от поэтических произведений, которые сложно перевести на другой язык без потери игры слов или даже смысла, миф всегда можно идентифицировать именно как миф, в нем всегда фиксируется четкая нарративная линия, собственно сюжетное повествование. Стиль и синтаксис в данном случае не так важны, как важна история. Принципиально не важно, на каком языке он написан, создан, сформирован; смысл мифа зависит не от отдельных составляющих, а от способа, который формирует его. Миф, с одной стороны - явление языка, а с другой стороны, миф сам может брать на себя роль языка. «Миф есть составная часть языковой деятельности; он передается словами, он целиком входит в сферу высказывания» [2].

Если принять эту теорию, нужно согласиться с тем, что в структуре мифа можно выделять единицы - мифемы (по аналогии с фонемами и морфемами). Мифема обладает смысловой цельностью, ею может быть герой, процесс или действие. Миф - это особая форма высказывания, «миф есть одновременно и внутриязыковое и внеязыковое явление» [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что миф, являясь высказыванием, обладает свойствами языка. Можно тогда предположить, что миф - и как конкретная история, высказывание, текст, актуализирующей миф, но также и как язык, как миф вообще, другими словами, как мономиф, - имеет семантический, синтаксический, прагматический, аспекты,

выявленные в языке семиотикой, - наукой, изучающей свойства знаков и знаковых систем, возникшей в конце XIX - начале XX веков. Основателями семиотики считаются Ч. Пирс, представитель американского прагматизма, и швейцарский лингвист Ф. де Соссюр. Последователь Пирса Ч. Моррис разделил семиотику на семантику, синтаксис и прагматику; в 1938 году была опубликована его книга под названием «Основы теории знаков».

То, что сказка, как и миф, является неким высказыванием, еще ранее подметил В.Я. Пропп. Впрочем, нельзя считать его и Леви-Строса единомышленниками, между ними даже развернулся известный спор: в статье «Структура и форма. Размышления над одной работой Владимира Проппа» (1960 г.) Леви-Строс анализирует работу Проппа «Морфология волшебной сказки» (1928 г.) и утверждает, что подход Проппа к изучению сказки формалистский, исключая лексикой и рассматривающий только грамматику. На это Пропп в статье «Структурное и историческое изучение волшебной сказки» (1966 г.) отвечает, что формалистский подход является первой ступенью исторического изучения сказки. В «Поэтике фольклора» мы находим ответ: «при пристальном изучении окажется, что единство структуры соответствует единству всей поэтики волшебной сказки и единству выраженного в ней мира идей, эмоций, образов героев и языковых средств» [4]. Также Пропп указывает здесь на связь мифа и сказки: «Проф. Леви-Стросс указывает, что мой метод ошибочен, так как явление переносимости действия с одного лица на другое или наличие одних и тех же действий при разных исполнителях возможно не только в области волшебной сказки. Это наблюдение совершенно правильно, но оно говорит не против предложенного мною метода, а в пользу его. Так, если в космогонических мифах ворон, норка и антропоморфное существо или божество могут выступить в одинаковой роли создателей мира, то это означает, что мифы не только могут, но даже должны изучаться теми же методами, что и волшебная сказка. Выводы получатся совершенно другие, морфологических систем окажется много, но методы могут быть одинаковы» [5].

Источники и литература

- 1) Леви-Строс К. Структурная антропология М., 2001.
- 2) Леви-Строс К. Структурная антропология М., 2001.
- 3) Леви-Строс К. Структурная антропология М., 2001.
- 4) Пропп В.Я. Поэтика фольклора. М., 1998
- 5) Пропп В.Я. Структурное и историческое изучение волшебной сказки / Степанова Ю.С. // Семиотика. М., 1983, С. 583.